

Олег Лекманов

Саша vs. Маша

20 сонетов Тимура Кибирова
и Иосифа Бродского

фонтан мурлычет, дети голосят,
и обратиться не к кому с "уди на".
Иосиф Бродский.
"Двадцать сонетов к Марии Стюарт".

Вряд ли есть основания сомневаться в том, что заглавие "Двадцати сонетов к Саше Заповевой" (1995) Тимура Кибирова призвано напомнить читателю о знаменитых "Двадцати сонетах к Марии Стюарт" (1974) Иосифа Бродского. Бродским, по видимому, задано само число кибировских стихотворений, а отчасти и их тема.

Зачем Кибирову понадобилось подобное "сотворчество" (столкновение? соперничество?) с Бродским, неизбежно провоцирующее читателя сравнивать два поэтических текста и (в конечном итоге) — два поэтических мира?

Впрочем, сам Кибиров отчасти ответил на этот вопрос уже названием своего произведения. Он посвятил двадцать любовных сонетов собственной маленькой дочке, демонстративно отказываясь тем самым от постмодернистской боязни прямого слова и от постмодернистского спасительного цинизма.

Стоит ли напоминать, что "Двадцать сонетов к Марии Стюарт" столь же демонстративно обращены не к адресату большинства стихотворений Бродского — М.Б., а к женщине вполне условной? Мария Стюарт предстает у Бродского, во первых, героиней трофейного фильма ("Я пел про встречу в некоем саду / с той, что меня в сорок восьмом году / с экрана обучала чувствам нежным"); во-вторых, статуей ("Чем статней гранит, / тем явственней отсутствие ланит / и прочего"); в-третьих, шиллеровским персонажем ("Мари, ты не ждала, / что немец, закусивши удила, / поднимет старое по сути дело..."); и уже только в-четвертых — образом и одновременно отражением навсегда ушедшей, но все еще заставляющей страдать возлюбленной:

Я вас любил. Любовь еще (возможно,
что просто боль) сверлит мои мозги.

Таким образом, Бродского в его "Двадцати сонетах к Марии Стюарт" можно причислить к провозвестникам на русской почве того литературного движения, границы которого сегодня приблизительно можно обозначить именами Пригова и Сорокина. До самого последнего времени к этому движению пристегивали и Тимура Кибирова.

И вот теперь, решившись отдаться во власть *сердечной поэзии*, Кибиров важно противопоставил себя стыдящемуся проявления чувств постмодернизму. В "Двадцати сонетах к Саше Заповевой" поэт предсказывает следующую реакцию на свое произведение: "...концептуалист, / чьи тексты читт всяк сущий здесь славист, / плечами сокрушенно пожимает. / И палец указательный вращает / у правого виска метафорист".

Свой разговор с Сашей Заповевой Кибиров намеренно выстраивает на контрасте с Бродским. Бродский ерничает:

И ты в саду французском непохожа
на ту, с ума сводившую вчера.
И дамы есть, чтоб предпочесть тебе их,
но непохожие на вас обеих.

Кибиров умиляется:

Ты собрала, как линзочка, в пучок
рассеянные в воздухе ненастном
лучи любви, и этот свет возжег —
да нет, не угль — лампадный фитилек.

"Все разлетелось к черту на куски", — констатирует Бродский.

"...все-таки нашлось / хоть что-то неподвластное ухмылкам / релятивизма, ни наскокам пылким / дионисийских оголтелых муз!" — закликает Кибиров.

Уже у раннего Бродского можно разглядеть тот же пафос (например, в стихотворении "Пророчество" 1965 г.). Существенная разница состоит, однако, в том, что Бродский с течением времени ушел от *сердечной поэзии*, а Кибиров, напротив, пришел к ней во всеоружии стихотворческого мастерства: "Я лиру посвятил сюсюканью. Оно / мне кажется единственно возможной / и адекватной (хоть безумно сложной) / методом творческой".

Москва